

В час Инь, когда еще не рассвело, Тан Сюань вышел из здания столичного управления, проходя через восточные ворота. Охранники стояли, выпрямив спины, даже дышать боялись громко.

Только когда он удалился на достаточное расстояние, они с облегчением вздохнули.

— Это снова большое дело?

— Говорят, свечи в управе горели всю ночь.

— Видели лицо Янь-цзюньвана? Я чуть не умер от страха.

Тан Сюань действительно был в плохом настроении.

Дело с контрабандой соли они расследовали уже два месяца. Каналы транспортировки и продажи были примерно известны, но аресты все откладывались, так как они пытались выследить организатора. Каждый раз, когда появлялись продвижения, следы внезапно обрывались.

Теперь его люди начали подозревать, что среди них завелся предатель. Прошлой ночью император срочно вызвал его во дворец для обсуждения именно этого вопроса.

Несколько приближенных, которые вели это дело, сопровождали его с тех пор, как он только начал работать в Императорском управлении столицы. Если среди них действительно был предатель...

Тан Сюань крепче сжал поводья, его лицо было хмурым, как грозное небо.

На пустынной улице стук копыт звучал особенно четко.

Тан Сюань не сказал ни слова, но его черный конь Хэяо сам направился на переулок Чатан. Добравшись до места, конь радостно фыркнул, словно прося награду. Эту дорогу он знал слишком хорошо! Каждый раз, когда хозяин выходил из восточных ворот, он шел именно сюда. Если же не сюда — то в ресторан горячих горшков, и не было других вариантов!

Похвали меня, похвали меня!

Черный конь Хэяо ритмично переступал копытами от радости.

Но Тан Сюань с каменным лицом безжалостно привязал его к стойке для лошадей.

Черный конь Хэяо: «...»

Ну ладно. Настроение у хозяина сейчас очень плохое, совсем плохое, и ничего его не сможет развеселить. Совсем ничего!

Хуайшу уже встал и, услышав стук копыт, поспешил открыть ворота.

— Уже встал? — спросил Тан Сюань.

И так было понятно, о ком шла речь.

Хуайшу указал на окно западной комнаты и тихо сказал:

— Вчера он рано лег спать, но посреди ночи проснулся, начал рыться в ящиках, искал что-то. Свеча горела почти всю ночь, а недавно в доме наконец стало тихо...

Он говорил так много лишь для того, чтобы донести до Янь-цзюньвана, что с большой вероятностью Сы Нань еще не проснулся. Так что лучше подождать или вообще вернуться домой.

Тан Сюань все понял, но вместо того, чтобы уйти, просто открыл дверь и вошел в дом. Мало того, он еще и закрыл дверь за собой, оставив Хуайшу снаружи.

Хуайшу: «...»

Честное слово, если бы он мог победить его в драке, то давно уже перекинул бы его через стену.

В этот момент Тан Сюань был не грозным Янь-цзюньваном, а просто старым развратником, жаждущим красоты его учителя-брата.

Увидев, что происходило в комнате, развратник Сюань едва не сорвался. Сы Нань не спал на кровати, а лежал на столе. На столе горела тонкая свеча, капли воска медленно стекали, образуя небольшую лужицу на подсвечнике. Повсюду были разбросаны полоски ткани и пара только что сшитых «сандалий».

Белоснежные, с подошвой в несколько слоев, на них были пришиты крепкие ремешки. По виду они напоминали современные спортивные сандалии, хотя строчки были слишком большими, а ремешки слишком узкими и неравномерными — это выглядело странно.

Когда Тан Сюань понял, что эти сандалии были сделаны по его размерам, он почувствовал

невероятное удовольствие. Подошва длиной в две ладони — они подходили только ему.

Сы Нань сделал их для него. Сшил их ночью.

Он явно устал. В его руках все еще была игла с ниткой, а сам он заснул, положив голову на руки. Грубая ткань оставила на его лице красный отпечаток, а тусклый свет свечи мягко осветил его лицо, придавая ему почти детский вид.

Тан Сюань на мгновение задержал дыхание. Он вспомнил, как днем Сы Нань наклонил голову и попросил поцелуй, и почувствовал, как сердце обдало жаром. Горло пересохло, и он, чуть пригнувшись, подошел ближе к его лицу.

Сы Нань слегка пошевелился, губы все еще оставались приоткрытыми, словно он ждал поцелуя. Тан Сюань напрягся и едва не сломал тетиву лука на своей груди.

Но он сдержался и, вместо того чтобы поддаться искушению, протянул руку и осторожно коснулся его белого лица. Ровно того самого места, куда днем указал Сы Нань.

Черные блестящие глаза внезапно распахнулись, настороженно глядя на него. Убедившись, что это Тан Сюань, они тут же расслабились, и лицо осветилось широкой улыбкой.

— Ты пришел?

Абсолютное доверие в каждом движении.

Настроение Тан Сюаня моментально смягчилось. Никакие солевые дела или шпионы теперь не имели значения. В этот миг весь его мир сосредоточился на этом очаровательном юноше.

Сы Нань окинул взглядом комнату и, наконец, осознал, что происходит.

— Ты не уходил ночью? Почему так рано?

Голос Тан Сюаня был слегка приглушен, как будто он сдерживал свои чувства.

— Кто говорил о вонтонах с креветками и поездке на восточный причал за рыбой?

— Точно! — Сы Нань хлопнул себя по лбу. — Который час? Успеем ли?

— Первая стража часа Инь.

— Уже позновато... Может, обойдемся без вонтонов? Пойдем на причал и поедим там! Говорят, там есть вкусные кунжутные лепешки с бараниной. Ты когда-нибудь пробовал?

— Нет, — до встречи с ним Тан Сюань никогда не интересовался едой. Если быть точным, его вообще мало что привлекало, но с его появлением он открыл для себя всю красоту жизни.

— Тогда давай пойдем поедим, — радостно сказал Сы Нань, уже начав чистить зубы и умываться. — Сначала купим рыбу, потом съедем эти ароматные лепешки, а потом поищем вонтоны, как тебе?

Радостный голос словно призывал солнечное утро. Естественно, Янь-цзюньван с улыбкой согласился.

Сы Нань, умывшись и переодевшись, сообщил детям, что уходит.

Тан Сюань, оставшись на месте, спросил:

— Все ли ты взял с собой?

Сы Нань не сразу понял:

— Нам ничего не нужно, просто возьмем деньги, и все.

Тан Сюань бросил взгляд на стол:

— Точно?

Подсказка была настолько очевидной, что Сы Наню не удалось ее проигнорировать. Он бросил взгляд на грубо сшитые сандалии и, немного смутившись, сказал:

— Они получились некрасивыми, я даже не хотел тебе их давать... Но раз уж ты их увидел, так и быть, возьми.

— Я беру их с удовольствием, — сказал Тан Сюань, сняв свои сапоги и сразу же надев эти сандалии.

Сы Нань застыл. Эти сандалии с огромными стежками, неровными ремнями были такими некрасивыми, что даже ему, их создателю, было стыдно на них смотреть. А Тан Сюань их надел?!

Не только надел, но и очень довольный прошелся по комнате, поднял ногу и собирался выйти.

Это... похоже, настоящая любовь.

Сы Нань заморгал:

— Ты серьезно собираешься выйти в них?

Тан Сюань приподнял бровь:

— А что, нет?

Сы Нань тут же схватил его за руку:

— Не стоит, правда, не стоит, ты просто посмотри на них, но не надевай.

Он не мог себе позволить такой позор!

Но Тан Сюань вовсе не считал это позором — наоборот, он хотел, чтобы весь город знал, что Сы Нань сделал ему эти сандалии. Он уже решил: после завтрака заехать в столичное управление, потом пойти к императору попить чаю, а заодно заглянуть к Бао-дажэню и всем показать, что у него есть персональные сандалии.

— Ни за что! — Сы Нань обнял его за ногу. — Если они тебе так нравятся, носи дома, ладно?

Тан Сюань, конечно, не хотел соглашаться: он и его нога наслаждались этим объятием. Он хотел, чтобы это продолжалось еще немного.

Но вот третья нога была против — если это продолжится, последствия станут необратимыми.

Тан Сюаню пришлось неохотно кивнуть:

— Ладно.

Но звучало это так, будто ему это не нравилось.

Сы Нань не сдержал смех:

— Ты что, правда так их любишь?

Тан Сюань поджал губы и кивнул. Это был первый раз в его жизни, когда кто-то сделал ему

обувь.

Сы Нань заулыбался и покачал пальцем:

— Ну, раз тебе нравится, не зря я почти проткнул себе все пальцы иголками.

Детские сандалии он делал из старой обуви, но пару для Тан Сюаня вырезал и сшил вручную, закрепив ремешки на подошве иголкой.

Взгляд Тан Сюаня потемнел:

— Где ты укололся?

Сы Нань показал ему руки, нарочито жалобно при этом сказав:

— Посмотри, все пять пальцев в красных точках, очень больно.

Тан Сюань достал из-за пазухи баночку с мазью и аккуратно намазал каждый палец.

Сердце Сы Наня тут же дрогнуло, и он, забывшись, выпалил:

— А что ты так близко ко мне наклонился, пока я спал? Хотел поцеловать, да?

Тан Сюань молчал, потупив взгляд.

Но даже если он не признается, Сы Нань и так все знал! Его улыбка стала еще шире:

— Ты знаешь, как это называется?

Тан Сюань поднял взгляд, глядя на его хитрую улыбку, и задал вопрос в тон:

— Как?

Сы Нань захихикал:

— Это называется «слабенький шоу»*!

(ПП: принимающий, уке, пассив)

Хотеть поцеловать и стесняться — не это ли признаки слабенького шоу?

<http://bllate.org/book/13604/1206359>